

КОЛОНКА КРИТИКА

МОСК. ПРА ВЕДО-1991-12 ФЕВР - С.3

Одно лекарство —
мужество

Прежде чем вступить в третье тысячелетие новой эры, мы отметим в 1999 году двухсотлетие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. И для живущего ныне человека, ощущающего свою принадлежность к отечественной культуре, эти даты, как мне представляется, одного порядка. Особенно если мыслить себя, отдельного человека, включенным в ход общечеловеческой истории. Пушкин — «наше все», до нас было сказано. Вспоминаем об этом по-особенному в скорбный февральский день памяти поэта да в светлый июньский день рождения. Но это ведь действительно так. Иначе не стали бы тянуть поэта каждый на свою сторону. Один, декламируя по телевидению применительно к нынешней политической ситуации стихотворение «Клеветникам России», другие, подняв гигантскую волну в защиту национального гения от «очернительской» книжки, а из книжки той и было-то напечатано несколько страниц, и даже их иные ревнители чистоты явно не удосужились прочесть. Я это к тому, что «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины», а таковые дни никак не обходят нас стороной, не клясться на верность поэту надобно, а перечитывать его книги. Кто-то трактует их так — с колокольни своего опыта и своей судьбы, неужто не имеет права? Ну, а у второго, третьего свое мнение — и слава Богу. Пушкина хватит на всех.

Неужели устарела традиция пушкинских вечеров, чтецких конкурсов? И уже ли мы быть наедине с книгой?

Только ленивый не сравнил наше сегодняшнее существование, обильно уснащаемое телешоу и конкурсами красоты, с пиром во время чумы. Похоже. Но мне в пушкинской маленькой трагедии важен не один Вальсингам с его широкоизвестным «есть упоение в бою...», но и Мери. Помните, задумчивая Мери поет простую жалобную песню о невозвратимом былом, а бойкая, острая на язык Луиза высмеивает ее. И вдруг падает в обморок при виде негра, управляющего телегой с мертвыми телами. Мери, не помня зла, кидается на помощь сестре своей печали и позора. А Председатель, чувства которого предельно обострены, роняет: «нежного слабей жестокий». Это, казалось бы, беглое замечание исполнено глубокого знания человеческого сердца, понимания человеческих возможностей до самой смерти противостоять бесчеловечным обстоятельствам, сопротивляться ударам судьбы, обманам жизни.

«В мой жестокий век восславил я Свободу», — напишет Пушкин, итожа прожитую жизнь. И снова мы видим противостояние жестокости, на этот раз — вольнолюбия, а раньше противостояли нежность и доброта. И так, не просто жить, наслаждаясь игрой жизни, но жить достойно. А где же взять силы для этого? «Тут все лекарство один courage». Мужество, мужество одно.

Пушкин дает нам урок этики, передает нравственный завет не только в слове, но и всей своей жизнью. Жить, мыслить, чувствовать, страдать, творить — несмотря ни на что, вопреки всему, не терять присутствия духа в самые мрачные, жестокие времена. В школе Пушкина мы пройдем уроки жизнестойкости, терпения, преодоления. И мне кажется, Ахматова, написавшая «Час мужества пробил на наших часах. И мужество нас не покинет», мысленно оглянулась в тот миг (шла священная война с фашизмом) на Пушкина.

Художество, творчество — вот то, чем, по мысли Пушкина, побеждается небытие, распад, энтропия, как мы бы сказали сегодня. Поэт — Вальсингам. Поэт — Дон Гуан. Но и восемнадцатилетняя актриса, музыкантша Лаура из того же «Каменного гостя» тоже художник, поэт в своем роде. Художник, осмысляющий свое ремесло: «Да, мне удавалось сегодня каждое движенье, слово. Я вольно предавалась вдохновенью, слова лились, как будто их рождала не память рабская, но сердце...».

Когда современные писатели выводят главными своими героями все творцов да творцов, мне кажется, что иных, кроме себя, людей нынешние сочинители просто не знают. Пушкин знал: и офицеров, и уездных барышень, и станционных смотрителей, и даже гробовщиков. А художнической натурой наделял своих персонажей от щедрости, оттого, что ему был интересен артистический склад личности. Ведь это дары небес — талант к искусствам, как, впрочем, умение дружить и любить.

Но встречаются личности, которые посланные им благословенные дары сумели извратить, и среди них Сальери. Много написано о зависти Сальери-музыканта к Моцарту. Но старший завидует младшему во всем, ревнует к его отношению к жизни, любви, семье. Моцарт естествен, ясен, легок, свободен и человечен. Сальери — внутренне искореженный, мрачный мизантроп, человеконенавистник. Последний дар его Изоры — не дитя, не взгляд, не поцелуй, но яд. Обычно в постановках этой маленькой трагедии Сальери носит яд в перстне, в опере же Большого театра — в медальоне. Восемнадцать лет на груди хранить отраву — представьте только, как не сама она даже, но тайные помыслы о ней проникают в кровь, мозг и плоть, заражая их... И вот апофеоз извращенности всех нравственных понятий, всего, что дорого и мило нормальному человеческому существу: «Заветный дар любви, переходи сегодня в чашу дружбы». Случайно ли, что именно Сальери утверждает: «Хоть мало жизнь люблю»? Этот пушкинский герой не одному Моцарту противостоит, он противостоит жизнелюбцу Пушкину.

«Ненавижу всяческую мертвечину» — уже другой поэт через сто лет сказал о Сальери и иже с ним, книжных и бродящих по жизни. «Обожаю всяческую жизнь» — а вот это уже о Пушкине. О его светлой музе. О его книгах, открывать которые бы нам почаще. Ибо помогают не озлобиться, не остервенеть вконец. Ведь как не хочется, чтобы про нас пушкинскими словами потомки сказали: «Ужасный век, ужасные сердца».

Т. СЕРГЕЕВА.